

К.И. Голыгина
ИВ РАН

«Книга гор и морей» и ее новые аспекты

«Книга гор и морей» (*Шаньхай цзин*), хотя и именовалась словом *цзин* – «канон», – не входила в корпус «Шести канонов» (*Лю цзин*). Еще 30 лет назад книга эта считалась экзотическим сочинением, возникшим как бы на периферии, но в науке последних лет неожиданно приобрела особый статус памятника, содержащего ключи к разгадке многих пока неясных сторон культуры древнего Китая (существование эпоса, происхождение мифологических образов, язык канонических текстов как особое явление жреческой культуры и т.д.). Комплексный характер «Книги гор и морей», в которой оказались слиты воедино обрядовый календарь (детально расписывающий правила жертвенных подношений богам) с четкой астрономической основой (хорошо прокомментированной в трактате Сыма Цяня *Тянь гуань шу* – «Книга наблюдений над небосводом»), создающей базу для астрологических прогнозов относительно как погодных катастроф (засуха, наводнения, виды на урожай), так и угрожающих ситуаций в государстве (нашествия вражеского войска, заговоры или мятежи), уводит внимание исследователя от главной проблемы – проблемы языка, которым написан этот текст. Данный памятник, кроме внешне доступного пласта, о котором говорилось выше, есть своего рода тайнопись, скрывающая с помощью в общем-то нехитрых кодов, созданных коррелятивным методом, описания небесного пространства на основе пяти стихий, цветочного календаря, системы числительных *цзяньчу*, принятой в астрономии системы образов-символов 28 зодиакальных созвездий и 12 зодиакальных пространств и использующая символическую кодировку «Книги перемен», которая содержится в *Шогуа* («Слове о триграммах»). Прочтение этих кодов-терминов, единых для «Книги гор и морей» и «Книги перемен», достаточно сложно, так как они сами по себе нуждаются в пояснении. К примеру, если в *Шогуа* говорится, что триграмма № 1 «Цянь» – это «небо», «благородный господин», «отец», «нефрит», «добрая лошадь» и еще три типа лошадей в разном физическом состоянии: «старая», «большая» и «резвая», то читатель сам должен уже знать, что триграмма № 1 «Цянь» – это Ручка (*бяо*)

© Голыгина К.И., 2007

созвездия Б. Медведица (*Бэй Доу*) и Анти-Юпитер и что вышеперечисленные разные образы суть лики этих объектов. В «Книге гор и морей» Анти-Юпитер может быть представлен в образе «дракона», «лошади», «рыбы», именоваться «травой» – в зависимости от той части эклиптики, где он в данный момент находится. Толкование этих терминов-символов отчасти можно найти в словаре «Эръя» (династия Хань), где они никак не сводятся к обозначению объектов предметного мира. Исследователи же, напротив, воспринимают предметный пласт «Книги гор и морей» именно как описание мира – гор, холмов, рек и речек, не смущаясь даже тем, что в разделе «Моря» нет ни слова о морях. Кстати, аналогичная ситуация создалась при анализе Вед: один из исследователей заметил, что на основе частого употребления слова «лошадь» и «отец» вряд ли стоит делать вывод о приручении лошадей и патриархате в древней Индии. Речь в Ведах, скорее всего, идет о «хвосте» Б. Медведицы и Анти-Юпитере – основных календарных измерителях времени-пространства в Древнем мире, которые, как и в Китае, кодируются этими терминами. Язык, который используется в «Книге гор и морей», – особый. Кроме образования слова-термина («травы» = анти-Юпитер, «дерево» = Юпитер, «животное» = зодиакальный символ, «много» = находится) в этом языке широко применяется прием омонимии («кровь» (*сюэ*) – «слог» (*сюэ*), «нефрит» (*юй*) – 5-й том *юй* и цифра 5), что потребовало от комментаторов указывать чтение иероглифического знака, для текста на *вэньяне* процедура совсем не обязательная. Возникает вопрос, насколько это искусственное словотворчество присуще и другим каноническим книгам Китая, также восходящим к обрядовым календарям, которые в данном аспекте становятся уже как бы основой основ культуры китайской цивилизации, предопределив описание предметности мира через сравнение (*би*) и через организацию смыслового ряда с помощью второго ряда опять же предметности, без выделения сущностных категорий (*син* – «сопоставление смыслов», термин, иногда сводимый к метафоре). Вопросы, которые возникают у исследователя сохранившейся в своей первозданности «Книги гор и морей» (кроме, пожалуй, сопутствующего ей невинного заблуждения, что описан именно ландшафт и что это «историческая география»), предостаточно. Среди них, к примеру, связанный с проблемой генезиса китайской мифологии (так как в разделах «Моря» и «Пустыни» содержатся едва ли не все образы и сюжеты мифологии) вопрос о существовании эпического или мифологического сказа и его «следах» в этом тексте; о единой календарной основе канонических книг как матрицы нарратива, используемой для иных, уже идеологических построений (пример тому – *Дао дэ цзин*, чье название можно прочесть буквально как «Каноническая книга о календарном Пути и Благодати»). Существующие переводы «Книги гор и морей», воспринимающие текст как ландшафтное описание некоего пространства, о местонахождении которого ученые гадают до сих пор, ущербны в главном – авторам переводов незнаком язык памятника.

Предлагаем заинтересованному читателю ряд отрывков из «Книги гор и морей» (опубликованы в журнале «Восток», № 5, за 2006 г., 1-я и 6-я цзюани: «Южные горы» и «Внешние моря. Южная книга»), перевод сделан по шанхайскому изданию 1936 г. В этом издании, на последней странице, издатель изобразил фигурку человека на осле. Кто знает, может быть, этому человеку на осле он уподобил того несомненно незаурядного в своем упорном стремлении «во всем дойти до самой сути» читателя, который сумел добраться до последней страницы этого непростого памятника.